

СУБЪЕКТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ

С.З. ГОНЧАРОВ¹⁾
Н.В. ПОПОВА²⁾

*¹⁾ Российский государственный
профессионально-педагогический
университет*

e-mail: gsz2004@mail.ru

*²⁾ Российский государственный
профессионально-педагогический
университет*

e-mail: nv_popova@mail.ru

Авторы раскрывают субъектность как форму социальной активности, которая характеризует способность личностей и коллективов к самоопределению, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству, а также их полномочия в реализации общественно значимых потребностей и целей и их власть над природными и социальными силами.

Ключевые слова: субъектность, самоопределение, самодеятельность, нормотворчество, соревнование, духовность, идентичность.

Стратегия инновационного общества, предложенная руководством России, предполагает выявление социокультурных основ *креативной* личности как субъекта инноваций.

Инновация есть нововведение, порождающее *качественное положительное* изменение в технике или технологии. Инновации экономят ресурсы и рабочее время общества, увеличивают возможности самореализации человека, создают новые продукты массового общественного спроса. Инновационные процессы, вступая во взаимный резонанс, порождают цепную реакцию нововведений и в итоге влекут к обновлению не только средств жизни, но и самих субъектов – утверждают соответствующий себе образ жизни, перманентное обновление стиля мышления, эмоционального фонда общества, творческую индивидуальность, для которой престижным предстает не столько обладание вещами, сколько сам творческий процесс самореализации в созидании общеинтересной и полезной новизны, сами возможности *самообновления собственной субъективности* путем обновления способов деятельности, общения, духовного возрастания.

Задача статьи – раскрыть социокультурные основы *креативной* личности как субъекта инноваций, а также выяснить факторы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики. К социокультурным основам можно отнести *субъектные* качества, *духовно-ценностный* компонент и *социокультурную идентичность* личности.

Субъектность – высший уровень субъективности человека. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т. е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности, которая характеризует личности и коллективы:*

- *со стороны их способности к самоопределению, самодеятельности и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*
- *в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, менеджмента: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми.

Исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение *воли* – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание субъектности* – в способность к *нормотворчеству*, т. е. в умение субъекта породить новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное утверждение той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др.

Самоуполномочивание – это самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет своей совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Под нормотворчеством здесь понимается не юридический, а социокультурный процесс моделирования такого оптимального образца мышления, деятельности, общения, реального производства, который сразу же подхватывается другими и утверждается в общественном сознании и жизненном процессе как норма и канон в силу его *эффektivности*.

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* – *потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании*.

Самодеятельность как основа развития субъектности. Самоопределение развивается в актах *самодеятельности*. Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»².

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхода за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу (исполнительства) самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общеинтересной новизны.

Диалектика соревнования. Выходение за пределы исходного пункта, присущее самодеятельности, выражается в отношениях между субъектами – в *со-ревновании*. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, *нет и статуса*. Быть социально – значит быть признанным! Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Иначе будет *девальвировано* само первенство. Отсюда и возникает соревнование, в котором сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов. Соревнование проходит *через толщу тысячелетий* и составляет *атрибут всякой социальности и во все времена*.

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М., 1974. – С. 121.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. – С. 160.

Имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»³. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа *общественные*. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле сравнивают себя по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование, будучи осознанным, есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*.

Соревнование противоречиво. Оно лучшим образом обнажает суть диалектики. В нем каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании с *равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между субъектами превращается в противоречие субъекта с самим с собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать.

Соревнование есть такое противоречие, которое *не разрешается окончательно*, а принимает *все новые* формы. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 году выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Тогда как пуск новой электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций? Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди. Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность соотносит себя с самой через состязательность субъектов. Такой накал борения есть образ «вечной диалектики». Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными» по той же причине. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. То же мы наблюдаем в международной политике. Самоизмерение социальности ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердились *рейтинги*.

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самодетельности. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство для немногих, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И этому процессу нет конца. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, ... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а

³ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1962. – С. 337.

производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁴. В этих суждениях гениально раскрыта *креативная культурная антропология* К. Маркса, из которой он исходил и в своей критике антисоциального капитализма, и в своих надеждах относительно перспектив общества самодеятельности.

Креативная основа диалектического мышления. «Абсолютное движения становления» осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»⁵. Такое процессуальное понимание выражает философская диалектика.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика, как логика исторического саморазвития людей, есть *основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы*. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладал *онтологический* вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самодеятельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась Молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Такая логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики является пассивный *созерцательный субстанциализм*, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной *деятельности* составляющих его индивидов. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная социальность и соответствующие ей образы жизни.

Социальным основанием философской диалектики является самодеятельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших отчуждение от своих собственных объективаций в экономике, политике и т.д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс, вслед за И. Кантом, понимал самодеятельность как фундаментальный культурно-антропологический атрибут, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым он связывал перспективу человеческого развития. Он предсказывал историческую ступень человеческого развития, когда «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»⁶.

Диалектическое мышление *адекватно инновационному* стилю жизни творцов-созидателей и оно вновь возьмет реванш; воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Что скрывается за инновационными тенденциями? Здесь мы подошли к *метафизике инноваций*. Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди, как субъекты, стремятся не к созиданию какого-то «изма» (капитализма, социализма, монархизма и т.п.). Это – лозунги идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его *идеализированный, романтический* ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М., 1968. – С. 476.

⁵ Там же, 1969. – С. 35.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. М., 1955. – С. 68.

становится *скудной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. Свободная активность *Я* регламентируется порядком настолько, что возникает его (*Я*) бунт. В лоне традиции вызревает *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Возникают инициаторы, готовые выйти за «красные флажки». Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самодеятельности и самообновления людей*. Самодеятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на лимит творческого компонента.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет *биопсихические* и *социокультурные* основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг»; такие перемены присущи всем сферам и «порам» общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богатела в 1913 году. Но уже в 1917 году монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 году его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается *общесоциологический по охвату, социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется.

Этот глубинный креативно-антропологический закон пролагает себе дорогу в истории, как правило, в бессознательной форме, если брать общество в целом. Стратегия инновационного общества, предложенная руководством современной России, продиктована не только технико-экономическими причинами, но и важными социокультурными мотивами – потребностью в новизне.

Тенденция самообновления связана со свободой нашего Я, нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил. Этот источник самообновления – не экономический, не утилитарно-прагматический, а *сугубо антропогенный, креативный и бескорыстный*. И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает *адекватную себе форму с бескорыстием истины, добра и красоты, единство которых рождает эффект совершенства*.

Модели успешного обновления общества предполагают знание – «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»⁷. Мы попытались представить эту природу как *универсальную и процессуальную*, несводимую раз и навсегда к историческим преходящим масштабам. Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату за грех гордыни прародителей, но и как мифологическое осознание *беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления*.

Духовно-ценностный аспект креативности. Но субъектные качества личности могут осуществляться не только в добре, но и во зле. Поэтому важен *духовно-ценностный аспект креативности*. Дух есть *любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию*; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. Совершенство есть такое *содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное*. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»⁸. Совершенство есть *качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие»*. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны*⁹.

Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – *любовью*. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, отмечал И.А. Ильин, увидеть лучшее, избрать его и жить им. Любовь направляет мышление к *объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному*.

⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – С. 623.

⁸ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т. 1. – С. 56.

⁹ См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006 – С. 313–387.

В психологическом плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил: любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Целостный духовный акт дарует личности полноту миропереживания и понимания, свободную от односторонних крайностей.

Кроме качественной стороны (воля к совершенству) духу присуща и количественная характеристика: человек восходит от частных значений (душевная стадия психики) ко всеобщим содержаниям науки и нравственности, искусства и религии, права и государства. Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за этнокультурным многообразием – единство человеческого духа, за частным корпоративным интересом – интерес государственный и всенародный, за Отечеством – человечество, за космической пылью – божественное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Без возвышения психики индивида от душевного уровня до духовного невозможно воспитание личности, понимающей и переживающей универсалии культуры, патриотизм, нравственность, правосознание, искусство, религию, личную сопричастность общему делу и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед ныне живущими. Вне духовной стадии индивид сомнителен и как специалист, и как лояльный гражданин государства. Ибо государство есть организация всеобщей воли граждан для совместной «благодетельной» (Аристотель) жизни. Оно – главный политический институт народа. Членство в этой политической организации предполагает в личности духовную стадию сознания, понимание всеобщих значений и всеобщего дела, бремя которого несет на себе народ. Вот почему целесообразно предварять вручение паспорта процедурой сдачи экзамена на социально-правовую компетентность в общих вопросах государственного устройства страны и общих основ права.

Совершенство акмеологично, оно ведет к вершинным творческим достижениям. Творчество движимо вдохновением. Но вдохновение возникает как благоговение и восторг от переживания совершенства! Поэтому гений и злодейство не совместимы. Творчество есть объективирование лучших содержаний человеческой души. Злой же умысел реализуется как деструкция и разрушение. По мере отпадения от совершенства к ничтожному содержанию возрастает доля деструкции в науке и искусстве, политике и экономике.

Обретение идентичности. Обретение духовного уровня возможно на пути сознательной социокультурной идентичности. Идентичность личности означает усвоение и реализацию тех социокультурных эталонов, которые личность принимает искренне и добровольно. Идентичность, следовательно, есть отождествление субъектом своей ценностной самости, ценностного «ядра» своего Я с должными образцами. От выбора таких эталонов зависит образ жизни, жизненный путь и судьба человека. А из судеб каждого слагается судьба страны, ее историческая траектория.

Проблема идентичности личности, народа является сложной своей многоаспектностью – исторической, национальной, социальной, культурной и религиозной. Россия в XXI веке выбирает свой путь, что предполагает выбор социокультурной идентичности и народом, и каждым из нас. Потеря ценностной стратегии в развитии страны объясняется эрозией национально-культурной идентичности, себестождественности коллективного «Мы».

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чревату иррациональными деструктивными срывами»¹⁰. Такой кризис подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое Я, наполняемое всякий раз «вихрями» повседневности. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность.

---

¹⁰ Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 394.

Вне *духовного уровня* идентичности индивид расколот и несчастен. Он во всем *релятивист*. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе, писал А. И. Ильин, много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из центров оказывается слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой¹¹. Он «политкорректен» и «толерантен», не холоден и не горяч.

Студенты особо не задумываются над вопросом идентичности. Она формируется у них, скорее, неосознанно, стихийно. У них велика учебная забота и разнообразны соблазны современного города, включая те «виртуальные кумиры», которые фабрикуются на телеэкране.

В становлении идентичности студентов важны сам «дух» университета, личностное влияние педагогов, образы *выдающихся* людей в истории культуры и профессионального дела. Идентичность личности будущего специалиста – центральный вопрос воспитания. В его решении можно отметить важность следующих содержаний. Это, во-первых, чувство принадлежности к *многовековой истории России, к отечественной культуре, к продолжению деяний подвижников и героев, создавших Россию, к профессиональному классическому наследию предшественников*. Во-вторых, это образ *должного человека*, некий силуэт эталона, увлекающий своей креативностью, вдохновенным творчеством, духовным «горением», мастерством своего дела. В-третьих, важнейшим в преподавании является раскрытие внутреннего мира классиков науки, философии и т.д., т.е. метод *персонификации*. Пусть студенты узнают борения, соблазны и победы тех, кто создал Россию – святых, подвижников ученых, философов, педагогов, предпринимателей, воинов, политиков и т.д. Пусть возгорятся их сердца. Пусть, образно выражаясь, Пушкин будет для них притягательней, чем компьютер. В-четвертых, это *нравственный стержень личности*, побуждающий ценить как свое личное достоинство, так и достоинство каждого человека, а значит добросовестно относиться к профессиональному делу вопреки всем искушениям. Нравственность – *первооснова всех аспектов идентичности, пропуск в человеческую общность*, в науку, в профессиональное дело. Вне ее начинается деградация во всех областях жизни. Чего ждать от безответственного индивида, будь то педагог священник, врач, офицер, политик, судья, художник? Вопрос риторический.

Нравственность – абсолютное условие *человеческой общности*, поэтому все народы подкрепляют ее *Абсолютом, Божеством*. В антропогенезе социальная связь возникла как *самоограничение* инстинктов ради сохранения общности¹². И такому самоограничению мы, люди, будем учиться всегда, ибо каждый соединяет в себе природное и социокультурное, динамику рефлексов и духовные ценности.

Именно нравственность пронесла через тысячелетия, кровь и слезы *человеческое достоинство*; она является *идеологией достоинства человека, адекватной* формой социальных отношений. Грех материализма связан, в частности, в сведении нравственности к несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». *Но то, что нравственно, то всегда и разумно, и экономично, и жизненно благодатно не только для меня, но и для всех*. В нравственных отношениях субъекты признают *равноценность достоинства друг друга*, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются взаимная *ответственность* и духовная солидарность. С такого признания и начинаются нравственность, становление идентичности личности.

Объективные и субъективные факторы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики. К таким основам следует отнести технологию, экономику и *растущий удельный вес человеческих индикаторов производства*, особенно самостоятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

1. Темпы обновления материальной техники претерпят в XXI веке резкое ускорение. Развитие техники определяется той *технологической функцией, которая ей передается от работника*. Инструменту была передана функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. Инструментальный этап техники был основным в период докапиталистического производства. Это производство имело *субъективное строение*, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т. е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). *Машине*

¹¹ Ильин И. А Стань цельным! // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8. – С. 438.

¹² См.: Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу. – С. 97–182.

была переданы *функции движения* (двигатель) и *управления инструментом* (рабочий орган машины). Машины стали технологическим базисом капиталистического производства. За работником осталась функция управления машиной. Производство получило *объективное строение*: разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, *автомату* передается *функция управления машиной*. Работник теперь выключается из производства как *непосредственный технологический агент*. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С середины XX века автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим.

Передача функции управления машиной означает *революции* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная* функция. Производство становится, образно выражаясь, на голову. Благодаря электронно-вычислительной технике, компьютеризации эта функция усовершенствуется с поразительной скоростью. Человечество входит на порог технологического скачка: как паровой двигатель революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, так и компьютерная техника уже порождает качественные изменения в этих сферах. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни и резко увеличивается количество работников в сферах культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и те «объективно-мыслительные формы» (К. Маркс) в духовной сфере, которые непосредственно обслуживают (направляют и регулируют) функционирование всех звеньев общественного жизненного процесса. Рост интеллектуально-емкости в материальной и социальной технике будет *интенсифицировать* и убыстрять процессы в сферах научной, образовательной, производственной и экономической, социальной и политической.

Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий идеальный компонент производства. Теперь техника проектируется не под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (лазеры, нанотехнологии и др.). Если наука становится производительной силой труда, то *труд* превращается в *прикладную науку*. Тем самым он становится *равной степени сложности*, и различия в видах труда не влекут уже к резким различиям в его оплате, к различиям в «желудке». Далее, труд, как прикладная наука, *порождает экономику именно научных знаний*, которая предполагает и *работников с научной подготовкой, интеллектуальная емкость которых опережает интеллект, опредмеченный в техносфере*. Не случайно уже в 80-е годы прошлого века авторы отмечали «потребность опережающего развития образовательного потенциала по сравнению с темпами научно – технического прогресса» и *настаивали на опережающем образовании*¹³.

Интеллектуальное обновление техники и технологий обязывает работников, систему высшего образования к *опережающей* интеллектуальной подготовке и ко всеобщему *высшему образованию, к его фундаментализации и универсализации*.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но *побудительным конечным мотивом к ее развитию является экономическая форма* производства. Капиталистическое же производство содержит стимул *выхода за пределы достигнутого*. Такой стимул заключен в формуле $D - T - D'$. Капитал есть *самовозрастающая стоимость на основе производства и при посредстве обращения*. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно благодаря увеличению прибавочного продукта или *интенсивно* – когда рынки сбыта поделены – путем *обновления* продукта для создания *новых потребностей* в нем и тем самым создания *новых секторов* рынка, а также и путем *убыстрения обращения*. Убыстряя свой оборот, капитал *повышает* скорость *социального обмена*, процессов *коммуникации*.

Обновляя продукт, капитал тем самым *обновляет* потребности, чувства, наслаждения, т. е обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко *интенсифицирует интеллектуальные*

¹³ См.: Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития. Монография. М.: Наука. Сибир. отд.–ление. 1987. – С. 141.

процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного *коммуникативного* обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, авиационных и информационных путей, которые постоянно *оптимизируются* ради быстроты коммуникаций. За секунды в мире переводятся миллиарды денег из одной страны в другую. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуждают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах.

Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает *плотность социального пространства и времени*: ибо увеличивается *количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени*. В условиях капиталистического производства в большинстве стран экономика в мировом масштабе переходит с необходимостью на интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление *социальных технологий в области управления* людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд и, и сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и *обновление его качества* – способностей и умений, потребностей и чувств. За формулой $D - T - D'$ скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: «*продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил*».

Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений*. Тенденция капитала – *выход за пределы достигнутого – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам*. Так мы выходим на сугубо антропологический аспект капитала. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Он реализуется как самодеятельность и соревнование между людьми, как потребность в общеинтересной и полезной новизне с иными в отличие от экономикоцентризма мотивами.

Когда возникает мотивация к инновациям? Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей оценку социальной эффективности к единому параметру – *стоимостному*. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое *сам же капитал и развивает*. Элвин Тоффлер, футуролог, на глобальном стратегическом форуме в Москве 12 декабря 2007 года привел шокирующий для экономикоцентризма факт: «Появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег. Лучший пример здесь – программное обеспечение. Есть молодой парень, который сидит у себя в маленьком офисе в Финляндии. Ему не понравилась операционная система Windows у него на компьютере, и он придумал другую, лучше. Он сделал это не потому, что его кто-то попросил или заплатил ему, он сделал это совершенно добровольно. И потом он поместил ее в Интернете и сказал: кто может ее улучшить – пожалуйста, делайте. Она совершенно открыта. И это все было сделано без денег. И это испугало Microsoft, а китайское правительство приняло закон о том, что все государственные учреждения Китая пользуются только этой новой системой. ... Парадокс в том, что экономика денег создает технологии, которые повышают продуктивность работ, которые делаются вне зоны экономики денег. Раньше, чтобы измерить давление, мы ходили к врачу и платили ему за эту услугу. Теперь японцы придумали аппарат для измерения давления, которым человек может пользоваться самостоятельно. Или вот фотография... Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и поэтому говорят, что они не важны, а мы утверждаем, что это и есть самое важное»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Агеев А. Цунами инноваций // Завтра. 2007. № 52 (736).

В этих высказываниях Э. Тоффлера привлекают внимание три момента: во-первых, особая мотивация к инновациям, не провоцируемая деньгами; во-вторых, рост круга людей, творящих инновации без денег; в-третьих, ограниченность денег в оценке положительных последствий инноваций.

Такая мотивация состоит в том, что профессионал исходит из *самой сути дела*, понимает изъяны рационального компонента в том или ином изделии, *доверяет своему разуму как непосредственно общественному* и поэтому *сам дает себе полномочия* на совершенствование продукта, важного не только для него лично, но и для всех, для иных потребителей. Самоуполномочивание соединяется с емким социальным чувством – с *профессиональной солидарностью*.

Такая «добровольная», по Тоффлеру, инициатива, вырастает из *особого вида труда*: в нем интеллектуальный компонент превалирует над телесными усилиями, творческий фактор – над исполнительским; престижными являются рационализация и изобретательство не только в промышленных, но и в организационно-управленческих технологиях, товарищеская взаимопомощь в проблемных ситуациях и соревновательность в поиске новизны при решении профессиональных задач, публичное обсуждение результатов общего труда, профессиональная честность, требовательность и ответственность; и немаловажное значение имеет то, что жизненные потребности персонала удовлетворены достаточной заработной платой, хорошим питанием, жильем, оздоровительными профилакториями, доступным культурным досугом.

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгалин размышляет о созидательной мотивации в условиях экономики знаний. *«Но для мира знаний частная собственность устарела»*. Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. *«Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают*. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный ‘пирог’ – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу. ... *Главные ценности Человека нигде и никогда* (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI века) *нельзя было купить*. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. ... Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. *Через труд»*. Для мотивации работника в экономике знаний, продолжает А. Бузгалин, характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческого. ... Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». *«...у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной*. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится *«проблема отказа от пресыщения»*. Занятому интересной работой «попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты»¹⁵.

Денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой предел, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека – его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общеинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности формат не «цельнокаменной природы», скроенной раз и навсегда, а личную *неоконечность, открытость* к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает вещно *бескорыстная* мотивация одержимости, увлекательности духовно-культурными побудителями в качестве *самоцели*. Такая мотивация появляется в

---

¹⁵ Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Литературная газета. 13 – 19 февраля 2008 г. №6 (6158).

условиях *среднего и высшего по степени сложности труда*, который нами рассмотрен в отдельной публикации¹⁶.

Преращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве *учета трудовых затрат*, как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещнения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная *редукция*, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования.

Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной*. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как *самоцель*! Но стоимостные показатели можно использовать как *инструмент* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При таком критерии эффективности на первый план выйдет *не абстрактный, но конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»¹⁷. Экономика при таком критерии предстает как *прикладная, практически реализуемая креативная антропология*.

В советском обществе 70–80-х годов XX века, писал А. С. Панарин, незрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹⁸.

В перспективе одним из главных станет созидательное противоречие между самодеятельностью и формой общения (общественных отношений). Данное противоречие не разрешимо *окончательно*, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию деятельности и общения. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: *более просторные для самодеятельности формы общения, побуждая к инициативной самодеятельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания*. Сообщать самодеятельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

Но противоречие между самодеятельностью и формами общения выражает собой противоречие *между субъектами* – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Данное противоречие присуще всем сферам и «порам» общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т.д. Это противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении и др. Именно в противоречиях проходят апробацию на жизнеспособность те или иные содержания. И

¹⁶ Гончаров С. З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, № 2 (20). – С. 126–139.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 123.

¹⁸ Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. – С. 114–116.

выдержав противоречия, они *срастаются в конкретное целое*. Поэтому противоречия источник не только деструктивности, разлома и гибели, но и способ возвращения жизнеспособных конкретных форм. Если в мышлении разумно восходить от абстрактного содержания к конкретному содержанию, то не менее разумно это осуществлять и на *практике*, в налаживании, «конструировании» социальных связей с емким человеческим содержанием.

Проблема субъектности заключается в приведении в соответствие экономических форм хозяйствования с креативно-антропологической субстанцией социальности – субъектностью, самодеятельностью, соревнованием и социокультурным самообновлением.

Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как ныне прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Субъектность становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная *монополия* на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо восстают против монополии на образование и культуру. Наступает с необходимостью период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. Реально это означает свободный доступ каждого к содержанию культуры и образования, о чем обоснованно пишет В. М. Межуев¹⁹.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Первичным станет культурное воспроизводство поколений, а производство средств жизни станет производным от целостного воспроизводства индивидов.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Решение вопроса о креативной личности как субъекта инновационных процессов является лишь одним из аспектов более сложной проблемы – превращения техногенного экономикоцентричного общества в антропогенное общество самодеятельности с иными целевыми ориентирами в области производства, общественных отношений и сознания. В современной обновляющейся России есть все возможности начать новый цикл истории – креативного, антропогенного, национально многоколоритного общества культурной самодеятельности.

Список литературы

1. Агеев А. Цунами инноваций // *Завтра*. 2007. № 52 (736).
2. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.
3. Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // *Литературная газета*. 13 – 19 февраля 2008 г. №6 (6158).
4. Гончаров С. З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // *Образование и наука. Известия УрО РАО*. 2003, № 2 (20). С. 126–139.
5. Гончаров С.З. *Логика мышления и аксиология сердца*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006
6. Ильин И. А *Стань цельным!* // *Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8.*
7. *Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития*. Монография. М.: Наука. Сибир. отд.–ление. 1987.
8. Маркс К. *Капитал. Т. 1* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. Т. 23. М., 1962.*
9. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. Т. 42. М., 1974.*
10. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. Т. 3.*
11. Межуев В. М. *Социализм – пространство культуры* // *Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.*
12. Панарин А. С. *Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003.*

---

¹⁹ Межуев В. М. *Социализм – пространство культуры* // *Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. – С.113–164.*

SUBJECTIVITY IN TERMS OF INNOVATIONAL STYLE OF LIFE

S.Z. GONCHAROV¹⁾
N.V. POPOVA²⁾

*¹⁾ Russian State Professional
Pedagogical University*

e-mail: gsz2004@mail.ru

*²⁾ Russian State Professional
Pedagogical University*

e-mail: nv_popova@mail.ru

The authors claim the subjectivity as a form of social activity which features the ability of individuals and groups for self-identification, self-organization, self-government and normative production, as well as their rights for realization of important needs and goals and their power over natural and social forces.

Key words: subjectivity, self-identification, self-organization, normative production, competition, spirituality, identity.